

# ИНВАЛИДНОСТЬ

## в теологическом дискурсе: открытие *Terra Incognita*

Уже с 2014 года, когда в Украину пришла война, стало понятно, что со временем мы будем все чаще сталкиваться с последствиями боевых действий. Одним из этих последствий является рост количества людей, потерявших конечности, получивших инвалидность или продолжающих жить с последствиями травмы. Согласно официальной статистике до полномасштабного вторжения в Украину было зарегистрировано 2.7 млн. людей с инвалидностью<sup>[1]</sup>. Полномасштабное вторжение существенно увеличило количество таких людей, а процент психологически травмированных вообще сложно представить на данном этапе. Со временем эта цифра будет увеличиваться.

Этот факт ставит очень серьезный вопрос – а готовы ли мы к этой новой реальности? Насколько мы как общество готовы не просто видеть таких людей на наших улицах и в повседневной жизни, но и принимать их и менять свой привычный образ действий в соответствии с их возможностями и потребностями? Думаю, не стоит лишний раз напоминать, что наше городское и общественное пространство не приспособлено к потребностям таких людей. Но главная проблема даже не в этом. Долгое время инвалидность, телесную или ментальную, скрывали от «нормального» общества в специализированных интернатах или дома, вне общественного пространства.

Некоторое время назад в нашем законодательстве были утверждены нормы, которые требовали перестройки общественного пространства так, чтобы оно учитывало потребности людей с инвалидностью. Мы начали встречать таких

<sup>[1]</sup> 'Як стати більш доступним'.

людей в супермаркетах за кассой или прилавком. Лекарства или определенные товары маркируются шрифтом Брайля, пешеходные переходы оборудованы звуковым сигналом, а тротуары специальной рельефной разметкой для людей с недостатками зрения. Можно сказать, что лед тронулся, но, как часто это бывает, выполнение новых норм часто воспринимается как необходимое зло, избежать которого просто невозможно. Именно поэтому мы встречаем пандусы, по которым нельзя спуститься или подняться без посторонней помощи, или неработающие лифты для людей с инвалидностью.

Отличается ли ситуация в религиозных сообществах? Пожалуй, в этом смысле церкви не очень отличаются от остального украинского общества: мы все еще мыслим по лекалам «здорового» и «нормального» члена общества.

Проблемы людей с инвалидностью затрагивают не только врачей и реабилитологов. По меньшей мере, с середины XX века люди с инвалидностью привлекли внимание социологов, философов и культурных критиков. Сначала это было движение за обеспечение достойной самостоятельной жизни ветеранов двух мировых войн<sup>[2]</sup>. Позже оно превратилось в движение за права меньшинства, которое системно вытесняли на периферию общественной жизни<sup>[3]</sup>. В конце концов, деятельность в этой сфере привела к масштабным изменениям в юридической и общественной плоскости. Были разработаны фундаментальные документы, обращающие внимание на людей с инвалидностью и отстаивающие их права<sup>[4]</sup>.

В начале 1980-х годов закладываются основы целой новой отрасли – исследования инвалидности (*disability studies*). Именно тогда были сформулированы главные теории, которые до сих пор используются, критикуются или детализируются исследователями инвалидности. В частности, были предложены наиболее распространенные модели инвалидности: медицинская модель и социальная модель.

Согласно медицинской модели людьми с инвалидностью являются те, кто имеют физические или психические недостатки или различия, то есть те люди, которые, как считается потеряли способность тем или иным способом и, вследствие этого не могут нормально функционировать в обществе<sup>[5]</sup>. Поскольку инвалидность считается «биологическим дефектом, локализованным в теле человека»<sup>[6]</sup>, то эти различия могут и должны быть «исправлены» или изменены медицинскими или другими

<sup>[2]</sup> Schipper, *Disability Studies and the Hebrew Bible*, 15–16.

<sup>[3]</sup> Creamer, *Disability and Christian Theology*, 20.

<sup>[4]</sup> *Convention on the Rights of Persons with Disabilities*.

<sup>[5]</sup> Reynolds, *Vulnerable Communion*, 28; Creamer, *Disability and Christian Theology*, 22–25.

<sup>[6]</sup> Schipper, *Disability Studies and the Hebrew Bible*, 7.

средствами даже если они не связаны с болью и страданием<sup>[7]</sup>. Инвалидность «является проблемой, дисфункцией, которая легитимизирует профессиональные и социальные услуги», то есть, замечает канадский теолог Томас Рейнолдс, эта модель «редуцирует человека к функции инвалидности, а не наоборот»<sup>[8]</sup>. Медицинская модель «нивелирует социальные, политические и архитектурные структуры, которые также способствуют несостоятельности людей с инвалидностью»<sup>[9]</sup>.

Социальная модель утверждает, что инвалидность вызывается способом организации общества, воспринимая людей с инвалидностью как социально подавленную группу. Сторонники этой модели различают понятия «нарушение» (*impairment*) и «инвалидность» (*disability*). «Нарушение» – это «отсутствие части или всей конечности или дефектная конечность, организм или механизм в теле». «Инвалидность» – это «невыгодное положение или ограничение деятельности, вызванное современной социальной организацией, которая совсем не учитывает или мало учитывает людей с физическими недостатками и, таким образом, исключает их из основного потока социальной деятельности»<sup>[10]</sup>.

Таким образом, хотя физический недостаток является чем-то неизменным, но то, каким образом это влияет на возможность быть частью общества и общественных процессов зависит от степени не/зрелости, за/открытости и не/доступности самого общества<sup>[11]</sup>. То есть, инвалидность локализуется не в лице с недостатками, а в обществе, социальной структуре и общественных процессах. Инвалидность – это социально сконструированный концепт, который маргинализирует людей с недостатками из-за определенных идеологических предубеждений общества по отношению к ним<sup>[12]</sup>.

Одной из вариаций социальной модели инвалидности является модель меньшинства. Некоторые авторы даже объединяют их<sup>[13]</sup>. Вместе с тем, в модели меньшинства люди с инвалидностью рассматриваются не как отдельные лица, а как «члены угнетаемой группы, подчиненной дееспособными идеологиями, зашитыми в больших социальных структурах»<sup>[14]</sup>. Соответственно, «проблема инвалидности содержится

<sup>[7]</sup> 'Social Model vs Medical Model of Disability'.

<sup>[8]</sup> Reynolds, *Vulnerable Communion*, 28.

<sup>[9]</sup> Schipper, *Disability Studies and the Hebrew Bible*, 7.

<sup>[10]</sup> Schipper, 17.

<sup>[11]</sup> Там же.

<sup>[12]</sup> Подробнее см. Shakespeare, 'The Social Model of Disability'; Barnes, 'Understanding the Social Model of Disability'.

<sup>[13]</sup> Creamer, *Disability and Christian Theology*, 25–26.

<sup>[14]</sup> Schipper, *Disability Studies and the Hebrew Bible*, 7; Mitchell, David T. and Snyder, Sharon L., 'Minority Model'.

не в телах людей с ограниченными возможностями, а в политическом организме, который не в состоянии справедливо относиться к своим меньшинствам»<sup>[15]</sup>.

Дебора Криммер, теолог из США, размышляя о существующих моделях инвалидности, признает их ограниченность, поскольку они оперируют статическими категориями – человек или имеет инвалидность или нет, соответственно он или является частью меньшинства, или нет<sup>[16]</sup>. Криммер указывает на текучесть понятия инвалидности. Один и тот же человек может дрейфовать от состояния работоспособности к состоянию нарушения своего физического или психического состояния.

Временное состояние ограниченности является живым опытом многих людей, но оно не отражено в медицинской или социальной моделях инвалидности. Осознание текучести состояния инвалидности, а также то, что она связана не только с биологическими и социально-политическими условиями, но и с пониманием собственной идентичности, привело Криммера к формулировке модели человеческих ограничений. Эта модель «пытается критически осмыслить телесный опыт и предлагает способ думать об ограничениях каждого человека и ситуации, а также о том, что именно такие ограничения могут сделать возможным или усложнить»<sup>[17]</sup>. То есть, ограничения – это норма для любого человека: быть человеком – значит сталкиваться с собственными ограничениями. Эта модель не отрицает две предыдущие, а дополняет их.

Как видим, даже этот очень беглый обзор главных моделей указывает на сложность проблематики, затрагиваемой в области исследования инвалидности. Нам не хватило бы места, чтобы просто перечислить наиболее важные публикации по проблематике инвалидности. Эта тема переживает своеобразный бум публикаций, затрагивающих очень сложные и нюансированные проблемы людей с инвалидностью. Она использует широкий спектр научных теорий и идей<sup>[18]</sup>. И это мы еще не касались прикладных аспектов работы и взаимодействия с людьми с инвалидностью.

Примерно с 1990-х годов эта тема появляется в публикациях христианских богословов. Ряд библеистов применяют исследования инвалидности для прочтения и интерпретации библейских текстов, систематизации терминов, персоналий, законов и образов, связанных с инвалидностью<sup>[19]</sup>. В результате такой работы даже появился коммен-

<sup>[15]</sup> Schipper, *Disability Studies and the Hebrew Bible*, 7.

<sup>[16]</sup> Creamer, *Disability and Christian Theology*, 31–33.

<sup>[17]</sup> Creamer, 31.

<sup>[18]</sup> Подробнее см. Watson and Vehmas, *Routledge Handbook of Disability Studies*; Davis, *The Disability Studies Reader*; см. также: Albrecht, *Encyclopedia of Disability*.

<sup>[19]</sup> Schipper, *Disability Studies and the Hebrew Bible*; Avalos, Melcher, and Schipper, *This Able Body: Rethinking Disabilities in Biblical Studies*; Olyan, *Disability in the Hebrew*

тарий на ключевые тексты из Библии, написанный с перспективы исследований инвалидности<sup>[20]</sup>.

Теологи пытаются вести диалог между исследованиями инвалидности и христианским богословием<sup>[21]</sup>, обращаются к богословию гостеприимства<sup>[22]</sup>, предлагают новые взгляды на интеллектуальную инвалидность, психические заболевания и депрессию<sup>[23]</sup>, пытаются по-новому взглянуть на церковь и практики сообщества<sup>[24]</sup>, переосмыслить миссиологию<sup>[25]</sup> и даже такие фундаментальные богословские темы как провидение, искупление и Троица<sup>[26]</sup>.

Защищены десятки диссертаций, посвященные различным аспектам инвалидности, которые осмысливаются богословски<sup>[27]</sup>. Издано несколько важных сборников: «Инвалидность и христианская традиция» под редакцией Брайана Брока и Джона Свинтона<sup>[28]</sup>, «Инвалидность в средневековой христианской философии и теологии» под редакцией Скота Уильямса<sup>[29]</sup>, «Инвалидность и мировые религии» под редакцией Дарлы Шумм и Майкла Столтцфус<sup>[30]</sup>, и сборник докладов Международной консультации Ассоциации теологического образования в Юго-Восточной Азии «Формирование теологии с позиции инвалидности»<sup>[31]</sup>. В 1994 году основан научный рецензируемый «Журнал инвалидности

---

*Bible; Raphael, Biblical Corpora; Schipper, Disability and Isaiah's Suffering Servant; Moss and Schipper, Disability Studies and Biblical Literature; Lawrence, Louise J., Sense And Stigma In The Gospels.*

<sup>[20]</sup> Melcher, Parsons, and Yong, *The Bible and Disability*.

<sup>[21]</sup> Creamer, *Disability and Christian Theology*; Gillibert, *Disabled Church – Disabled Society*; Yong, *The Bible, Disability, and the Church*.

<sup>[22]</sup> Reynolds, *Vulnerable Communion*.

<sup>[23]</sup> Reynolds, *Vulnerable Communion*.

Haslam, *A Constructive Theology of Intellectual Disability: Human Being as Mutuality and Response*; Greig, *Reconsidering Intellectual Disability*; Vacek, *Madness*; Swinton, *Finding Jesus in the Storm*; Bellini, *The Cerulean Soul*.

<sup>[24]</sup> Wilder, *Disability, Faith, and the Church*; Clifton, *Crippled Grace*; Brock, *Wondrously Wounded*; Spurrier, *The Disabled Church*; Brock, *Disability*; Hardwick, *Disability and the Church*; Kenny, *My Body Is Not a Prayer Request*.

<sup>[25]</sup> Conner, *Disabling Mission, Enabling Witness*; Deuel, *Disability in Mission*.

<sup>[26]</sup> Reinders, *Disability, Providence, and Ethics*; McLachlan, *Accessible Atonement*; Powell, *The Disabled God Revisited*.

<sup>[27]</sup> Простой поиск в WorldCat выдает около сорока записей, начиная с 1997 года; см.: <https://www.worldcat.org/search?q=ti%3ADisability+AND+Theology&itemSubType=book-thesis&limit=10&offset=1&orderBy=publicationDateAsc&itemSubTypeModified=book-thesis>

<sup>[28]</sup> Brock and Swinton, *Disability in the Christian Tradition*.

<sup>[29]</sup> Williams, *Disability in Medieval Christian Philosophy and Theology*.

<sup>[30]</sup> Schumm and Stoltzfus, *Disability and World Religions*.

<sup>[31]</sup> Longchar and Cowans, *Doing Theology from Disability Perspective*; см. также: Newell and Calder, *Voices in Disability and Spirituality*; Picard and Habets, *Theology and the Experience of Disability*.

и религии»<sup>[32]</sup>. В рамках этого журнала кроме регулярных публикаций издан ряд специальных номеров, посвященных актуальным темам: «Инвалидность в христианской традиции» (17:3, 2013), «Инвалидность и молодежное служение» (22:4, 2018), «Инвалидность и богословское образование» (25:3, 2021), «Библейские исследования и инвалидность: ретроспектива и возможности» (25:4, 2021)<sup>[33]</sup>. И это далеко не все!

Очень серьезную работу в этой области ведут Бейлорский университет (Вейко, Техас) и Абердинский университет (Шотландия). Издательство Бейлорского университета начало серию «Исследования по религии, теологии и инвалидности»<sup>[34]</sup>. Напечатана важная книга пятидесятилетнего теолога Амоса Йонга «Теология и синдром Дауна: переосмысление инвалидности во время позднего Модерна»<sup>[35]</sup>, и уже упомянутый комментарий «Библия и инвалидность» под редакцией Сары Мельчер.

Вклад Абердинского университета – это прежде всего работы Брайана Брока и Джона Свинтона. Профессор Брайан Брок возглавляет кафедру христианской этики в Абердинском университете. Он автор ряда важных публикаций по теологии инвалидности, некоторые из которых упоминались выше по тексту<sup>[36]</sup>. Профессор Джон Свинтон, шотландский богослов, рукоположенный служитель Церкви Шотландии и выдающийся ученый. Он возглавляет кафедру богословия и религиоведения в университете Абердина. Он автор шестнадцати книг и более шестидесяти научных публикаций<sup>[37]</sup>. В 2016 году он получил престижную награду имени Майкла Рэмзи за книгу «Деменция: жить в воспоминаниях Бога»<sup>[38]</sup>. Джон Свинтон – член Королевского общества в Эдинбурге и Британской академии наук в 2021 и 2022 соответственно, что является свидетельством его выдающихся достижений в академической деятельности. Кроме научной работы Свинтон долгое время работал фельдшером и капелланом в учреждениях для людей с умственной инвалидностью. Этот глубокий и богатый опыт существенно повлиял на его богословие и научные интересы.

Бесспорно, Свинтон является одним из ведущих ученых в сфере богословия инвалидности, а также практического богословия. Именно поэтому в этом номере альманаха мы хотим познакомить читателей с его богословием. Как бы дать попробовать на вкус – что это такое. Для этого

<sup>[32]</sup> 'Journal of Disability & Religion'.

<sup>[33]</sup> См. <https://www.tandfonline.com/journals/wrdh21/special-issues>

<sup>[34]</sup> Список книг см.: [https://www.baylorpress.com/search-results/?series=studies-in-religion-theology-and-disability&supapress\\_order=publishdate-desc](https://www.baylorpress.com/search-results/?series=studies-in-religion-theology-and-disability&supapress_order=publishdate-desc).

<sup>[35]</sup> Yong, *Theology and Down Syndrome*.

<sup>[36]</sup> Подробнее см.: <https://www.abdn.ac.uk/sdhp/people/profiles/b.brock#publications>.

<sup>[37]</sup> Подробнее см.: <https://www.abdn.ac.uk/sdhp/profiles/j.swinton#publications>.

<sup>[38]</sup> Swinton, *Dementia*.

мы выбрали вступительную главу из его книги «Подружиться со временем: инвалидность, своевременность и деликатное ученичество»<sup>[39]</sup>. Указанная книга Свинтона, – это очень хороший образец того, как мыслить богословски об очень глубоких и острых проблемах: время и инвалидность.

В этой книге автор предлагает пересмотреть классический взгляд, который устанавливает прямую оппозицию между вечностью Бога и существующим миром. Творя этот мир, Бог одновременно создал и время для него. Но сам Бог и вечность – это не что-то вневременное, но имеющее другое время, время в «высшей степени».

Многим кажется, что вечность – это нечто, существующее одновременно, без последовательности событий, но библейское понимание иное. Бог и вечность – живые, то есть темпоральные, хотя Бог, который не имеет ни начала, ни конца, охватывает всю протяженность времени одновременно. Время существует в Боге; Бог не существует во времени. То есть время не является чем-то неизменным и одинаковым для всех. С этой перспективы Свинтон пытается понять то, как должно было бы измениться наше отношение ко времени, если мыслить о нем и переживать его с теми, кто имеет инвалидность. В ходе своих размышлений он затрагивает проблему памяти и критически осмысливает распространенное представление о ключевой роли мозга в процессе запоминания и вспоминания. Для Свинтона очень важна мысль о месте или призвании людей с интеллектуальной инвалидностью в замысле Бога, а также о том, как быть учениками вместе с ними в Божьем времени. Свинтон очень поэтично, проникновенно и глубоко пишет обо всех этих вещах. Книга читается на одном дыхании и заставляет останавливаться, чтобы самостоятельно подумать о предложенных темах. Надеемся, дорогие читатели, вы сможете настроиться на ритмы Божьего времени и подружиться с ним.

## РЕКОМЕНДУЕМАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Albrecht, Gary L., ed. *Encyclopedia of Disability*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2006.
- Avalos, Hector, Sarah J. Melcher, and Jeremy Schipper, eds. *This Abled Body: Переосмысление инвалидности в библейских исследованиях*. Semeia Studies. Atlanta, GA: Scholars Press, 2007.
- Barnes, Colin. 'Understanding the Social Model of Disability: Past, Present and Future'. In *Routledge Handbook of Disability Studies*, 2nd ed., 14-31. Routledge International Handbooks. New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2020.
- Bellini, Peter J. *The Cerulean Soul: A Relational Theology of Depression*. Studies in Religion, Theology, and Disability. Waco, TX: Baylor University Press, 2021.

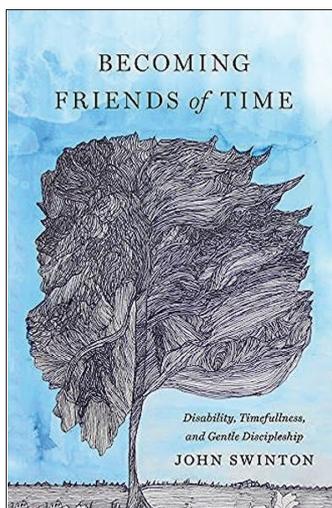
<sup>[39]</sup> Swinton, *Becoming Friends of Time*, 1–20.

- Brock, Brian. *Инвалидность: Жизнь в многообразии Тела Христа. Пасторство для жизни*. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2021.
- . *Wondrously Wounded: Theology, Disability, and the Body of Christ. Studies in Religion, Theology, and Disability*. Waco, TX: Baylor University Press, 2020.
- Brock, Brian, and John Swinton. *Disability in the Christian Tradition: A Reader*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2012.
- Clifton, Shane. *Crippled Grace: Инвалидность, этика добродетели и хорошая жизнь. Studies in Religion, Theology, and Disability*. Waco, TX: Baylor University Press, 2019.
- Conner, Benjamin T. *Disabling Mission, Enabling Witness: Исследование миссиологии через призму исследований инвалидности. Missiological Engagements*. Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2018.
- Конвенция о правах инвалидов. Ottawa: Canadian Heritage, 2010. <http://www.un.org/esa/socdev/enable/documents/tccsconve.pdf>.
- Creamer, Deborah Beth. *Инвалидность и христианское богословие: Воплощенные ограничения и конструктивные возможности*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Дэвис, Леннард Дж. *The Disability Studies Reader*. 5th ed. New York: Routledge, 2017.
- Deuel, David C., ed. *Disability in Mission: Скрытое сокровище Церкви*. Peabody, MA: Hendrickson, 2019.
- Disability Nottinghamshire. 'Социальная модель vs медицинская модель инвалидности'. Accessed 13 July 2023. <https://www.disabilitynottinghamshire.org.uk/index.php/about/social-model-vs-medical-model-of-disability/>.
- Gillibert, John. *Disabled Church – Disabled Society: The Implications of Autism for Philosophy, Theology and Politics*. London: Jessica Kingsley, 2010.
- Greig, Jason Reimer. *Переосмысление интеллектуальной инвалидности – L'Arche, медицинская этика и христианская дружба. Серия «Моральные традиции»*. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2015.
- Hardwick, Lamar. *Disability and the Church: Видение разнообразия и инклюзии*. Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2021.
- Haslam, Molly C. *A Constructive Theology of Intellectual Disability: Human Being as Mutuality and Response*. New York: Fordham University Press, 2011.
- Kenny, Amy. *Мое тело – это не просьба о молитве: Справедливость в отношении инвалидности в Церкви*. Grand Rapids, MI: Brazos Press, 2022.
- Лоуренс, Луиза Дж. *Чувство и стигма в Евангелиях: Depictions Of Sensory-Disabled Characters. Biblical Refigurations*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- LIGA. 'Как стать более доступным для людей с инвалидностью – советы для бизнеса', 23 June 2023. <https://life.liga.net/porady/article/kak-stat-bolee-dostupnym-dlya-lyudey-s-invalidnostyu-sovety-dlya-biznesa>.
- Longchar, A. Wati, and Gordon Cowans, eds. *Doing Theology from Disability Perspective*. Третье издание. Манила: Ассоциация теологического образования в Юго-Восточной Азии (ATESEA), 2014.
- McLachlan, David. *Доступное искупление: Инвалидность, богословие и Крест Христа. Studies in Religion, Theology, and Disability*. Waco, TX: Baylor University Press, 2021.

- Melcher, Sarah J., Mikeal C. Parsons, and Amos Yong, eds. *Библия и инвалидность: комментарий. Studies in Religion, Theology, and Disability*. Waco, TX: Baylor University Press, 2017.
- Mitchell, David T. and Snyder, Sharon L. 'Minority Model: От либерального к неолиберальному будущему инвалидности'. In *Routledge Handbook of Disability Studies*, 2nd ed., 45-54. Routledge International Handbooks. New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2020.
- Moss, Candida R., and Jeremy Schipper. *Disability Studies and Biblical Literature*. 1st ed. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Ньюэлл, Кристофер, и Энди Колдер, ред. *Voices in Disability and Spirituality from the Land Down Under: Из глубинки в аутбэк в аутфронт. Журнал «Религия, инвалидность и здоровье»*. Binghamton, NY: Haworth Pastoral Press, 2004.
- Олян, Сол М. *Инвалидность в Еврейской Библии: Interpreting Mental and Physical Differences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Picard, Andrew, and Myk Habets, eds. *Теология и опыт инвалидности: междисциплинарные перспективы из голосов из глубины страны*. London; New York: Routledge, 2016.
- Powell, Lisa D. *The Disabled God Revisited: Trinity, Christology, and Liberation*. London: T&T Clark, Bloomsbury Publishing, 2023.
- Raphael, Rebecca. *Biblical Corpora: Representations of Disability in Hebrew Biblical Literature*. Library of Hebrew Bible/Old Testament Studies. London: Bloomsbury Publishing, 2009.
- Рейндерс, Ханс С. *Инвалидность, Провидение и этика: Bridging Gaps, Transforming Lives. Исследования по религии, теологии и инвалидности*. Waco, TX: Baylor University Press, 2014.
- Reynolds, Thomas E. *Vulnerable Communion: A Theology of Disability and Hospitality*. Grand Rapids, MI: Brazos Press, 2008.
- Schipper, Jeremy. *Инвалидность и страдающий слуга Исайи. Библейские рефигурации*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- . *Инвалидоведение и еврейская Библия: Figuring Mephibosheth in the David Story*. 1st ed. Library of Hebrew Bible/Old Testament Studies, 441. New York: T&T Clark, 2009.
- Schumm, Darla Y., and Michael Stoltzfus, eds. *Инвалидность и мировые религии: An Introduction. Исследования по религии, теологии и инвалидности*. Waco, TX: Baylor University Press, 2016.
- Shakespeare, Tom. 'The Social Model of Disability'. In *The Disability Studies Reader*, 5th ed., 195-203. New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2017.
- 218 Spurrier, Rebecca F. *The Disabled Church: Человеческие различия и искусство общинного поклонения*. New York: Fordham University Press, 2019.
- Swinton, John. *Finding Jesus in the Storm: Духовная жизнь христиан с проблемами психического здоровья*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2020.
- . *Becoming Friends of Time: Инвалидность, временность и нежное ученичество. Studies in Religion, Theology, and Disability*. Waco, TX: Baylor University Press, 2018.
- . *Dementia: Жить в воспоминаниях о Боге*. 2nd ed. London: SCM Press, 2017.

- 'Journal of Disability & Religion'. Accessed 13 July 2023. <https://www.tandfonline.com/action/journalInformation?journalCode=wrhdh21>.
- Vacek, Heather H. *Madness: American Protestant Responses to Mental Illness. Studies in Religion, Theology, and Disability*. Waco, TX: Baylor University Press, 2015.
- Watson, Nick, and Simo Vehmas, eds. *Routledge Handbook of Disability Studies*. 2nd ed. New York: Taylor & Francis, 2019.
- Wilder, Courtney. *Disability, Faith, and the Church: Инклюзия и аккомодация в современных конгрегациях*. Santa Barbara, CA: Praeger, 2016.
- Williams, Scott M., ed. *Disability in Medieval Christian Philosophy and Theology*. London; New York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2022.
- Yong, Amos. *The Bible, Disability, and the Church: Новое видение народа Божьего*. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 2011.
- . *Богословие и синдром Дауна: Reimagining Disability in Late Modernity*. Waco, TX: Baylor University, 2007.

# Время, инвалидность и хрупкий мозг<sup>[1]</sup>



John Swinton, *Becoming friends of time: disability, timefulness, and gentle discipleship* (Studies in religion, theology, and disability), Waco, TX: Baylor University Press, 2016. <https://www.baylorpress.com/9781481309356/becoming-friends-of-time/>

## ВСТУПЛЕНИЕ

Время – это контекст, который придает смысл  
всему в этом мире, и наоборот, все, что имеет смысл  
для нас в этом мире, все, что имеет место  
в нашей жизни, существует во времени.  
(Иэн МакГилкрист)<sup>[2]</sup>

... даже до явления Господа нашего Иисуса Христа,  
которое в свое время откроет блаженный и единый сильный  
Царь царствующих и Господь господствующих.  
(1 Тим 6:14-15)

<sup>[1]</sup> Русский перевод фрагмента книги John Swinton, *Becoming friends of time: disability, timefulness, and gentle discipleship* (Studies in religion, theology, and disability, Waco, TX: Baylor University Press, 2016): 1-20. Публикуется с разрешения издательства. Перевод и богословская редакция С. Санникова.

<sup>[2]</sup> Iain McGilchrist, *The Master and His Emissary: The Divided Brain and the Making of the Western World* (New Haven: Yale University Press, 2009), 75.

◆ Это книга о времени. Однако она не о «привычном» времени. Она о *Божьем времени* и о том, что значит правильно прожить свою жизнь в отпущенном нам времени. Никуда не деться от того факта, что время – это фундаментальный аспект того, как мы понимаем, конструируем и пытаемся осмыслить мир. Как сказал Иэн МакГилкрист в эпиграфе к этой главе: «Время – это контекст, который придает смысл всему в этом мире»<sup>[3]</sup>. Без времени мы были бы похожи на корабли без руля, бесцельно плавающие туда и сюда в море бесконечного безвременья, существа без направления и смысла, корабли без компасов, карты без координат. Время движет нами, направляет нас и формирует наши ожидания того, что было, что есть и что будет. Время неподвижно и четко написано на всех наших горизонтах.

Когда я пишу это вступление и смотрю на часы, время 10:25 утра. Я бодрствую уже пять часов. Мне пришлось встать в 5:25, чтобы забрать свою дочь, которая возвращалась с отдыха на Кипре. Ее самолет опоздал, поэтому она прилетела в Абердин очень рано утром. За сегодняшний день я взглянул как минимум на десять различных видов часов, каждый из которых помог сориентировать меня в мире и на мир совершенно определенным образом: (1) Меня разбудил будильник. (2) Будильник на моем iPad разбудил меня окончательно! (3) Часы на моей кухне призвали меня поторопиться и найти ключи от машины, поскольку время шло, а я не хотел, чтобы моя дочь осталась одна на парковке после двенадцатичасовой поездки. (4) Часы в моей машине конкретизировали неумелое определение времени диджеем по радио. (5) Вид моей дочери, указывающей на свои наручные часы, подтвердило мою вину. Я опоздал... (6) Часы на телефоне моей дочери светились в угасающем рассвете, когда она заходила в Facebook ... или это был Instagram ... Snapchat? Я представляю, что к тому времени, когда выйдет эта книга, все эти тренды будут считаться устаревшими, преходящими: их время придет и уйдет. И это было только начало дня.

Я отвезла дочь домой, она села в машину и поехала на работу. Диджей, вещающий из моего автомобильного радио, показался мне странным и навязчивым в своих постоянных напоминаниях о том, что еще несколько минут прошли мимо меня. Мне кажется, что моя жизнь ускользает с каждым сообщением. Я добираюсь до работы и паркую свою машину. «Доброе утро, профессор», – говорит приветливый парковщик. «Вы сегодня рано приехали!» Я объясняю ему печальную историю возвращения моей дочери. Он добродушно улыбается и делает вид, что ему не все равно. (7) Часы в моем кабинете в университете не давали мне опоздать и с определенной степенью точности подсказывали, когда пора отправляться на первое занятие. (8) Часы в аудитории подбадривали

<sup>[3]</sup> Там же.

меня, указывая, что уже почти наступило время кофе, и что я должен просто игнорировать тоскливые взгляды моих студентов на свои телефоны, компьютеры, наручные часы, смарт-часы и любые другие устройства, с помощью которых они фиксировали свою печаль, радость и скуку по поводу моего аккуратного преподавания. (9) Когда я возвращался в свой кабинет, часы в коридоре привлекли мое внимание, и я со знанием дела кивнул, проходя мимо них. И вот с ящиком электронной почты, полным писем, которые ожидают мгновенного ответа. Мне кажется, люди думают, что письмо, которое они мне отправили, единственное, которое я получил сегодня! (10) Наконец-то! Часы на моем компьютере напоминают мне, что день только начался. Еще только 10:25, а у меня уже тайм-аут! Я даже не добрался до своих голосовых сообщений, в которых точно указано время, когда мне звонили люди, что они хотят, чтобы я сделал, и когда они хотят, чтобы я это сделал и перезвонил им. Когда мы начинаем обращать внимание на время, мы очень быстро осознаем, насколько мощным и формирующим фактором оно является для нашей жизни. Время управляет практически всем, что мы делаем, делали и, вероятно, будем делать в будущем. Люди – это существа, которыми управляет время.

## ОЧЕВИДНОСТЬ И НЕОБЫЧНОСТЬ

◆ В этих основных наблюдениях о силе времени есть очевидность и необычность. Когда мы думаем о структуре нашей жизни, становится очевидным, что время играет центральную роль в формировании того, кто мы есть, и как мы видим себя и, по сути, являемся собой в этом мире. Иэн МакГилкрист совершенно прав говоря, что время является основным и неумолимым контекстом для осмысленного человеческого опыта. Это кажется неоспоримым. Тем не менее, довольно удивительно, что время должно обладать такой силой, учитывая, что мы не можем его увидеть, потрогать или даже назвать, что это такое, так, чтобы добиться какого-то общего согласия. Время властвует над нами, но что именно то, что, как нам кажется, фиксируют наши многочисленные часы? В своей «Исповеди» святой Августин задает похожий вопрос: «Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре, как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю»<sup>[4]</sup>.

<sup>[4]</sup> Цит. по: Августин А. Исповедь. Абелия П. История моих бедствий. (М. Республика. 1992), 167. Исповедь. Кн. XI, гл. XIV, Перевод М. Е. Сергеевко.

Мы знаем, что такое время, потому что ощущаем его вокруг себя, поскольку оно формирует и образует нас и придает нашей жизни смысл, цель и направление. Однако, если нас попросить разложить его на составляющие и объяснить, что именно оно собой представляет, кажется, что твердь времени просто тает и ускользает сквозь пальцы.

## ТАЙНА ВРЕМЕНИ

◆ Отчасти проблема заключается в том, что существуют измерения времени, которые являются глубоко загадочными. Конечно, мы можем измерить «его» и выдвинуть гипотезу о том, чем «оно» может быть или не быть. В зависимости от того, кто вы – ученый, философ, антрополог или психолог, у вас будет своя особая теория времени. Однако маловероятно, что вы найдете консенсус между этими дисциплинами или даже внутри них. Время ускользает от консенсуса. Тайна – это нечто скрытое, то, что не является ясным или очевидным для повседневной логики. Тайны ускользают от нашей обычной способности объяснять, используя идеи, концепции, предположения и способности, которые мы могли бы применить для решения повседневной дилеммы. Например, учение о Троице по своей сути таинственно. Предположение о том, что Бог един и одновременно троичен – Отец, Сын и Святой Дух – является одной из самых глубоких и проникновенных тайн христианской традиции. Она занимает центральное место в христианской вере, но при этом ускользает от человеческого разума и его рациональности. Таинственная природа Троицы не означает, что мы ничего не можем знать о Боге, но эта таинственность означает, что мы не можем знать о Боге все, и что даже то, что мы знаем, даровано нам в Духе и через Дух: «тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, (Кол. 1:26). С богословской точки зрения, тайна относится к знанию, которое одновременно и скрыто, и открыто: «В тот час возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам. Ей, Отче! Ибо таково было Твое благоволение (Лу. 10:21).

Если что-то является таинственным, это не значит, что предмет исследования непроницаем или настолько эзотеричен, что не имеет смысла. Называя что-то тайной, мы тем самым указываем на ограниченность человеческого разума, центральную роль Божественного откровения и одаренную природу человеческого познания. Назвать что-то тайной не означает, что оно не может быть жизненно важным и преобразующим. Августин считает время таинственным, неназываемым и принадлежащим Богу, который обитает во времени как вневременной, бесстрастный Творец, а не как привязанное ко времени разумное существо. Несмотря на то, что он утверждает, что не знает, что такое время,

он, тем не менее, посвящает значительную часть своей «Исповеди» размышлениям о природе времени. Время может быть таинственным и, по крайней мере, частично доступным в одно и то же время. Главное – понять, что работа с тайной – это не просто вопрос логики, эмпирических доказательств и умных аргументов; в основе лежит смирение, вера и готовность принять божественные дары, которые человек, возможно, не в состоянии полностью постичь или сформулировать.

## ПРАКТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ ВРЕМЕНИ

◆ Используя такой способ мышления о времени в качестве базовой основополагающей перспективы, в этой книге я намерен предложить практическую богословскую перспективу времени<sup>[5]</sup>.

Как таковая, книга будет направлена как на практическое богословие времени, так и на изучение того, как эти вопросы выглядят в индивидуальной и общинной жизни Божьего народа. В основе книги лежит предположение, что размышления о Боге – богословие – предназначено для служения Богу и в конечном итоге являются способом дать людям возможность более полно любить Бога и друг друга. Вестминстерский краткий катехизис сообщает нам, что «цель человеческих существ – прославить Бога и наслаждаться Богом вечно»<sup>[6]</sup>.

Мы можем сказать нечто подобное и о целях богословия: правильно сфокусированное богословие должно восприниматься как цель, позволяющая людям прославлять Бога и вечно наслаждаться Богом. Если Бог есть любовь (1 Ин. 4:8), то богословие – это разговор о целях такой любви.

### Сближение теории и практики

Проблема, конечно, в том, что богословие довольно часто не рассматривается в таком свете. Стивен Паттисон проницательно замечает, что «за последнее столетие и более западное богословие сделалось слишком гуманистичным и все чаще видит свою задачу в том, чтобы понять людей, как создателей идей и дискурсов богословия, а не самого Бога в Боге»<sup>[7]</sup>.

<sup>[5]</sup> Здесь я имею в виду определение практического богословия, изложенное в моей книге с Гарриет Моват: «Практическое богословие – это критическая богословская рефлексия относительно практик Церкви в их взаимодействии с практиками мира, призванная обеспечить и сделать возможным ответственное участие в искупительных делах Бога в мире, для мира и ради мира» (*Practical Theology and Qualitative Research Methods* [London: SCM, 2006]; украинский перевод книги готовится к печати в Одесской богословской семинарии – А.Г.

<sup>[6]</sup> *Westminster Shorter Catechism*, Christian Classics Ethereal Library, accessed November 27, 2015, <http://www.ccel.org/ccel/anonymous/westminster1>.

<sup>[7]</sup> Stephen Pattison, *The Challenge of Practical Theology: Selected Essays* (London: Jessica Kingsley, 2007), 268.

Это полезное наблюдение. Если взглянуть на оживленный рынок богословских книг, то становится очевидным, что богословие рассматривается как чтение и изучение способов, с помощью которых люди говорят о Боге. Будете ли вы считать себя последователем Барта, Бонхёффера, Весли, Кальвина или Хауэрваса, возникает соблазн потратить время на изучение идей этих ученых и размышления о том, что они могут сказать – как мы должны понимать Бога и реагировать на Него, не рассуждая о том, как влияют эти способы мышления на верность Христу в нашей практической жизни. Мы можем легко закончить тем, что будем думать как Барт, но не сможем поступать как Иисус.

Академическое отделение систематической теологии от практического богословия служит примером раскола между теми, кто размышляет, говорит и думает о Боге, и теми, кто взаимодействует с миром, где Бог, по мнению тех и других, действует. По крайней мере, в академической среде существует тенденция принижать все, к чему прилагается слово «практический». Я часто слышу, как благонамеренные коллеги говорят мне, что, по их мнению, раскол между систематическим богословием и практическим богословием – это не что иное, как (чрезмерная) реакция против некоторых направлений эзотерического богословского мышления. Они говорят мне, что на самом деле меня следует называть просто богословом. Я редко слышу, если вообще слышу, чтобы систематические богословы говорили мне, что на самом деле они должны называться практическими богословами!

И все же Иисус совершенно ясно сообщает нам, что центр христианской жизни – это любовь. Самая важная любовь – это любовь к Богу, нашему Творцу и Тому, Кто любит нас прежде всего. Эта любовь побуждает нас любить друг друга: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мр. 12:30-31).

Любовь – это не концепция или идея. Идея любви не может быть отделена от практики любви. Правда, концептуализация любви – это один из аспектов познания того, что такое любовь. Как мы увидим по ходу этой книги, наши интеллектуальные формулировки имеют значение до тех пор, пока они служат целям любви. В социальном контексте, где любовь имеет многочисленные и противоречивые значения, важно иметь ясность мысли о том, что такое христианская любовь. Однако любовь – это, прежде всего, практика; это то, что мы делаем всем телом, а не только умом.

Любовь нужно видеть и чувствовать, прежде чем в нее можно поверить. В гиперкогнитивной и зачастую практичной академической богословской среде легко принизить значение практики и опыта. Но сде-

лать это – значит совершить фундаментальную ошибку: переживание Божьей любви предшествует ее пониманию. Бог, Который есть любовь, возлюбил мир задолго до того, как мир узнал, что он любим «Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви» (Еф. 1:4).

Божья любовь – это то, чем мы живем, а не просто то, о чем мы размышляем. Она является предметом нашей жизни, а не объектом жизни. Если богословие служит целям любви, то пропозициональное знание не должно быть отделено от воплощенной практики.

В этой книге мы попытаемся удержать центр между теорией и практикой, приведя ключевые богословские идеи в критический разговор с человеческим опытом инвалидности. Таким образом, в книге серьезно рассматриваются идеи систематического богословия, но они помещаются в особый контекст, который проверяет их и позволяет им верно участвовать не только в практиках интеллекта (как бы важны они ни были), но и в практиках любви, которые осуществляются всем народом Божиим как к миру, так и между собой. Призыв прислушиваться к опыту и рассматривать отдельных богословов как аспекты более крупного, более сложного божественного взаимодействия между богословием, церковью и современным миром – гораздо более интересная перспектива, чем просто знание ради знания. Она также гораздо ближе к этосу, характеру заповеди Иисуса о любви к Богу, себе и ближнему, которая составляет сердце Евангелия и, несомненно, составляет сердце любой богословской задачи.

Следует уточнить, что практическое богословие ни в коем случае не является антиинтеллектуальным. На протяжении всей книги мы будем опираться на различные сложные богословские и философские идеи и взгляды для понимания ключевых вопросов, касающихся времени и инвалидности. Дело в том, что такое интеллектуальное знание требует воплощения и участия в практике любви если оно истинно. «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8).

## ВРЕМЯ И ИНВАЛИДНОСТЬ

◆ Эта книга о времени, но она также и о человеческой инвалидности. Как станет ясно, эти два понятия тесно взаимосвязаны. Язык и образы, которые люди используют в отношении инвалидности, избобилуют метафорами и описаниями, основанными на времени. В медицине время занимает центральное место в понимании болезни и инвалидности. Это отражается в языке: «хроническая усталость, перемежающиеся симптомы, частота заболеваемости, рецидив, прогноз, врожденный, задержка развития, терминальный, острый». Подобные термины помещают инвалидность (и болезнь) во вполне конкретные временные

рамки, причем предположения и суждения делаются в соответствии с чувствительностью врача ко времени, и теми явными и неявными способами, с помощью которых медицинские знания определяют место инвалидности во времени. Важно, что такие временные описания закладывают понимание того, как должен выглядеть нормативный прогресс в человеке.

### **Богословие инвалидности, исследования инвалидности и время**

Не только медицина предполагает тесную связь между инвалидностью и временем. И исследования инвалидности, и богословие инвалидности опираются на разнообразные временные дискурсы в своих попытках эксплицировать политические и теологические последствия инвалидности. Возьмем, к примеру, идею о том, что люди могут быть временно трудоспособными. Элисон Кафер, выступая с позиций исследований инвалидности, утверждает, что идея временно дееспособных людей призвана:

«показать «неинвалидов» и «трудоспособных» как временные и непостоянные категории; вспомните тег ВТ – временно трудоспособный (ТАВ – temporarily able bodied), призванный напомнить неинвалидам, что различие между трудоспособными и нетрудоспособными не является постоянным и непроницаемым. Хорошо отрепетированная мантра исследований инвалидности – будь то болезнь, возраст или несчастный случай, звучит так: «все мы будем жить с инвалидностью в какой-то момент нашей жизни». Это заявление содержит в себе понятие, предполагающее, что стать инвалидом – это «лишь вопрос времени»<sup>[8]</sup>.

Кафер правильно определяет центральную роль времени для идеи временной трудоспособности. Все мы со временем становимся инвалидами (инвалидность – это только вопрос времени). При этом не существует фиксированной категории, которая отделяет инвалидность от так называемой трудоспособности. Подтекст здесь (и критический политический момент) заключается в том, что вопросы инвалидности интересуют не только людей, живущих с инвалидностью; они интересуют всех людей, потому что на определенном этапе все люди станут инвалидами. Это просто вопрос времени<sup>[9]</sup>.

<sup>[8]</sup> Alison Kafer, *Feminist, Queer, Crip* (Bloomington: Indiana University Press, 2013), 25–26.

<sup>[9]</sup> Такая позиция, может дать много преимуществ. Однако у такого мышления есть значительная проблема (кроме очевидной мысли, что личный интерес не обязательно лучшая основой для развития значимого сообщества). Идея временно дееспособного тела, кажется, предполагает, что существует такое понятие, как «дееспособное тело». Если те, кто не имеет инвалидности, классифицируются как имеющие «дееспособное тело», то люди с ограничен-

## Есть ли инвалиды на небесах?

Также некоторые из ключевых аргументов в богословии инвалидности связаны с вопросами времени. Те, кто утверждает, что инвалидность человека – это часть его сущности и что он перенесет ее в эсхатон, используют особый аргумент относительно времени. Дискуссия вращается вокруг ценности тела инвалида в настоящем и того, сохранится ли эта ценность и эти конкретные телесные или психологические особенности в эсхатоне, то есть во время возвращения Иисуса, когда время, каким мы его знаем, закончится. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21:4).

Для некоторых инвалидов, таких как социолог и теолог Нэнси Эйсленд, некоторые из прежних вещей, а именно ее инвалидность, не исчезнут в эсхатоне. Напротив, для Эйсленд жизненно важно, чтобы ее инвалидность осталась с ней в теле воскресения. Без нее, по ее мнению, она не смогла бы узнать себя<sup>[10]</sup>. «Моя инвалидность научила меня тому, кто я есть и кто есть Бог. Что бы значило остаться без этого знания? Была бы я абсолютно неизвестна себе на небесах и, возможно, даже неизвестна Богу?»<sup>[11]</sup>.

Как станет ясно в 11 главе этой книги, идея о том, что что-то в нас определяет то, кем мы являемся, богословски сомнительна. Тем не менее, Эйсленд воспринимает свою инвалидность как формирующее, жизненно важное измерение того, кто она есть. Без нее она не может представить, кем бы она была. Исцеление сделало бы ее чужой для себя и для других.

---

ными возможностями, вероятно, имеют «недееспособное тело». Даже если ни одна из созданных двух категорий не является фиксированной, они удерживаются вместе лишь постоянно меняющимися нитями времени, а идея временно дееспособного тела, кажется, превращает его в телесный опыт способом, удивительно парадоксальным для положений социальной модели инвалидности и ее утверждения о том, что настоящая проблема инвалидности заключается не в теле, независимо от того, инвалиды или дееспособные, а в социальном отношении к различным формам тел. Иначе говоря, это делает инвалидность существенной, даже если в ее сущности есть гибкость, хрупкость и временность. Если именно время разграничивает работоспособные и неработоспособные тела, тогда инвалидность представляется более реальной, чем созданная социально.

Несмотря на проблемы с этими концептуальными вопросами, идея временной трудоспособности внесла хороший вклад в преодоление барьеров и остается признаком важного и серьезного отношения ко времени как проблеме для изучения жизненного опыта инвалидности.

<sup>[10]</sup> Эйсленд кратко развивает эту идею в своей статье «Encountering the Disabled God,» *Other Side*, September/October 2002, 10-15, и более подробно в ее предыдущей книге *The Disabled God: Toward a Liberatory Theology of Disability* (Nashville: Abingdon, 1994).

<sup>[11]</sup> Eiesland, “Encountering the Disabled God,” 10.

## На небесах нет инвалидов

Если разговор на тему «есть ли инвалидность на небесах» своевременен, то важна и его противоположность: «инвалидность должна быть исцелена». Те, кто выбирает исцеление как подходящий ответ на присутствие инвалидности, демонстрируют желание избавиться от инвалидности (искоренить то, что было), чтобы создать «нового человека» в настоящем (радикальное преобразование до эсхатона), в ожидании того времени, когда мы все будем преображены (то, что будет). С этой точки зрения, исцеление отвергает смысл и значение прошлого, дает человеку, живущему с инвалидностью, новую личность и новое будущее. Общее предположение заключается в том, что то, что было раньше – то время, когда инвалидность была с нами – было бессмысленным и было преодолено и уничтожено (через исцеление), чтобы наступила новая эра для (бывшего) инвалида, когда мы сможем жить без бремени инвалидности в ожидании окончательной трансформации, которая произойдет в эсхатоне. Теперь мы можем вести себя так, как будто «тот человек» – инвалид – уступает «новому человеку». Мы празднуем уход инвалида и приветствуем нового (временно) трудоспособного человека.

Проблема такой точки зрения, конечно, в том, что она не принимает всерьез ключевой момент Эйсленда: *инвалидность – это значимый и формирующий аспект того, кем является человек*. Отбросить инвалидность человека не так просто, как может показаться. Это не так, как если бы вы прижигали нарыв. Инвалидность, как и многие другие телесные аспекты, формирует личность. Например, для мужчины тот факт, что я существую в теле, насыщенном тестостероном, не является чем-то побочным. Он формирует мое ощущение присутствия в мире глубокими способами. Отнимите это у меня, и я в реальном смысле буду совсем другим. Точка зрения Эйсленда о связи между нашей телесной формой и самовосприятием очень важна и не ограничивается вопросами инвалидности. Мы можем, как мы увидим, не полностью идентифицировать себя по нашему телу или разуму, но они, безусловно, влияют на наше восприятие того, кто мы есть, довольно глубоким образом.

Фрэнсис Янг хорошо раскрывает этот момент в своих размышлениях о своем сыне Артуре, у которого глубокая и сложная умственная отсталость. Размышляя о том, имеет ли исцеление какой-либо смысл в контексте жизни Артура, она замечает:

«Не существует «идеального Артура», каким-то образом запертого в его поврежденной физической оболочке. Он – психосоматическое целое... Какой смысл надеяться на «исцеление» в подобных случаях?... Он пропустил двадцать два года процесса обучения. В каком смысле мы можем рассчитывать на нормальную жизнь, даже если физические проблемы будут решены? Артур обладает индиви-

дуальностью на своем ограниченном уровне. Исцелившись, он стал бы другим человеком»<sup>[12]</sup>.

Артур – это Артур. Лишение его инвалидности и вживание совершенно новых способностей сделало бы его кем-то другим, человеком без осмысленных воспоминаний, без прошлого, с очень сложным и запутанным настоящим и будущим. Если его новый, исцеленный мозг не будет снабжен набором предустановленных воспоминаний, у него не будет абсолютно никаких навыков, которые дает только время. Он не сможет думать, ходить, говорить или функционировать так, как это полагается человеку его возраста. Всему этому пришлось бы учиться. Если утверждать, что Бог может вживить в Артура совершенно новый набор способностей, совершенно новый набор воспоминаний и идей, то остается дилемма Юнга: в каком смысле этот новый человек будет Артуром? Кажется, что некоторые из центральных аргументов в богословии инвалидности неразрывно связаны со временем.

## ВРЕМЯ И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИНВАЛИДНОСТИ

◆ Вопрос времени также является аспектом, который, кажется, странно отсутствует в современных концепциях социальной модели инвалидности. Сьюзи Парр, Кевин Патерсон и Кэрол Паунд отмечают, что «Понимание разрушительного характера времени и перестройка социального пространства [в соответствии с намерениями социальной модели] не всегда является ответом на все проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды»<sup>[13]</sup>. Они предполагают, что социальная модель инвалидности требует временного измерения. Их мысль – то, как общество использует время, и то, что оно предполагает относительно времени, может быть глубоко подавляющим для жизненных возможностей людей с ограниченными возможностями. Действительно, наши практики использования времени могут быть глубоко угнетающими и исключющими в плане барьеров, которые они создают. Парр и др. отмечают, как жизнь людей с ограниченными возможностями управляется и глубоко затрагивается неявными и явными временными кодами и нормами, которые часто служат для их ущемления и исключения. Возьмем, к примеру, «простой» акт разговора: «Разговор может принимать различные формы (светская беседа, болтовня, обсуждение, сплетни и так далее). Каждая из них имеет определенные временные рамки для участия, основанные на стиле общения людей без инвалидности. ... Существует то, что

<sup>[12]</sup> Frances Young, *Face to Face: A Narrative Essay in the Theology of Suffering* (Edinburgh: T&T Clark, 1990), 22

<sup>[13]</sup> Susie Parr, Kevin Paterson, and Carole Pound, “Time Please! Temporal Barriers in Aphasia,” in *Aphasia Inside Out: Reflections on Communication Disability*, ed. Susie Parr, Judith F. Duchan, and Carole Pound (Berkshire: McGraw-Hill Education, 2003), 129.

можно назвать этикетом времени, который структурирует повседневные социальные встречи»<sup>[14]</sup>.

Повседневный стиль общения и ожидания основаны на определенных предположениях и форме этикета (манерах), которая предполагает определенное соответствие временным нормам и способность понимать время, скорость, темп и тайминг. Если кто-то слишком быстр или слишком медлителен в соответствии с этими имплицитными и эксплицитными представлениями, его оценивают как «социально некомпетентного»:

Человек должен синхронизироваться с темпом и скоростью разговора. Любое взаимодействие, нарушающее эти представления, рассматривается как постыдная неудача. Люди с коммуникативными нарушениями часто исключаются из беседы и болтовни, потому что этикет этих ситуаций не дает им времени, чтобы выразить то, что они хотят сказать... Сам собой разумеющийся характер ритмов и темпа повседневной жизни способствует возникновению инвалидности<sup>[15]</sup>.

Коммуникативная инвалидность существует во времени и находит свое построение и значение в социальной конструкции времени. Удивительно легко впасть в то, что мы можем назвать «случайным инвалидизмом», когда, просто отвечая друг другу в соответствии с временными рамками принятых социальных нравов и интуитивных норм, мы исключаем людей с определенными формами инвалидности. Почти непреодолимое желание закончить предложение того, кого считают «медленным в речи»<sup>[16]</sup>, быстро идти впереди тех, чьи тела двигаются медленно, или принизить и игнорировать (не находить времени для) тех, кого считают «медлительными в мыслях», свидетельствует о том, как восприятие времени склоняет людей, сообщества и культуры требовать определенного темпа, ритма, каденции, временных рамок как критериев ценности, значимости, осмысленного участия и принадлежности. Связь между временем и инвалидностью увлекательна, жизненно важна и очевидна, когда мы начинаем ее замечать.

## ВРЕМЯ И ХРУПКИЙ МОЗГ

◆ Эту книгу лучше всего представить как продолжительную медитацию о том, что значит правильно жить во времени, которое даровано нам Богом. В свете опыта людей, живущих с некоторыми формами неврологической инвалидности, книга стремится предложить богослов-

<sup>[14]</sup> Parr, Paterson, and Pound, "Time Please!" in Parr, Duchan, and Pound, *Aphasia Inside Out*, 131.

<sup>[15]</sup> Там же.

<sup>[16]</sup> Увлекательное теологическое исследование того, как Моисей был «медлительным в речи», см. Marc Shell, «Moses' Tongue,» *Common Knowledge* 12, no. 1 (2006): 150-76.

ское переосмысление природы и цели времени и тем самым предложить некоторые ориентиры для верной жизни и развития подлинных сообществ принадлежности.

Основное внимание в книге будет уделено формам инвалидности, возникающим в результате тех или иных повреждений мозга. Причина, по которой я решил сосредоточиться на различных формах повреждения мозга, очень важна. На личном уровне я провел значительную часть своей профессиональной жизни, работая с людьми с повреждениями мозга и рядом с ними. Будучи фельдшером, работающей в области психического здоровья, я часто сталкивался с людьми, чья жизнь и личность были радикально изменены в результате инсульта, надвигающейся опухоли мозга или травматического повреждения мозга. Вопрос о том, кем они были после инцидента или несчастного случая, и о преемственности с тем, кем они являются сейчас, всегда был источником неопределенности, напряжения, замешательства и горя. Для людей верующих такая неопределенность может быть мучительно болезненной. Вопрос Кристины Брайден «Кем я буду, когда умру?»<sup>[17]</sup> в значительной степени выражает сетования как страдальцев, так и тех, кто вынужден наблюдать за страданиями других.

Точно так же, когда я перешел работать в область умственной отсталости, проблема повреждения мозга или недостаточного неврологического развития вновь заполнила мой кругозор. Когда я проводил время с людьми, живущими с глубокими и сложными нарушениями интеллекта – теми людьми, для которых слова и символы, основные способы, с помощью которых многие религии передают свое понимание Бога, ничего не значат, – я часто задавался вопросом, что может означать встреча с Богом без слов и что может означать быть без слов в мире, где слова, кажется, занимают центральное место в большинстве наших действий. Часть моей проблемы, конечно, в том, что я пресвитерианин. Для пресвитериан все приходит через слова. Некоторые предполагают, что Слово стало плотью, а затем снова стало словами в пресвитерианском богослужении! Общение с людьми, у которых нет слов, стало началом моего обращения к полноте Божьей любви и чуду Божьих коммуникативных возможностей.

Будучи больничным капелланом, я провел много часов рядом с людьми, чей мозг разрушался настолько, что память и познание уже не играли главной роли в их восприятии мира. Наблюдая за тем, как люди с прогрессирующим слабоумием поют и поклоняются, я не мог не проникнуться глубокой тайной того, что может означать поклонение Иисусу, когда ты забыл, кто Он такой. Держать за руку человека со старческим слабоумием и осознавать, что он не тот, кто «был раньше», а тот, кто

<sup>[17]</sup> Christine Bryden, *Who Will I Be When I Die?* (London: Jessica Kingsley, 2012).

важен в настоящем и имеет призвание, которое приведет его в будущее, было, мягко говоря, сложно, но смиряюще и очень красиво.

Тогда я еще не знал о глубокой связи между этими опытами повреждения мозга и искупительной силой Божьего времени, но я понял, что повреждение мозга не лишает нас человечности. Напротив, иногда это давало мне возможность расширить свое понимание того, что значит быть человеком. Я начал понимать, что мы не являемся суммой наших неврологических конфигураций. Есть ощущение, что в этой книге формально прорабатываются идеи, которые я уже знал интуитивно.

## Гиперкогнитивность и нейромания

Есть еще одна важная причина, по которой книга фокусируется на вопросах, связанных с формами инвалидности, возникающими из-за изменений в мозге. Повреждение мозга (или недостаточное развитие мозга) не просто связано с неврологией. Социальная модель инвалидности говорит нам о том, что инвалидность не является свободно плавающим «естественным видом», который возникает одинаково в любом месте и в любое время. Значительная часть опыта инвалидности образуется и формируется контекстом, в котором человек переживает свою конкретную форму нарушения. Каждое общество и контекст, с которым сталкивается человек, поднимают специфические проблемы инвалидности для людей, которые воспринимаются как неполноценные или отличающиеся от других.

В западных культурах эпохи постпросвещения мозг приобрел особый набор значений, которые явно выходят за рамки особенностей индивидуальных неврологических изменений. Интуитивно мы можем предположить, что повреждение мозга во всех его различных формах связано в первую очередь с неврологическим повреждением: наш мозг поврежден, и поэтому мы не можем делать определенные вещи, которые могут делать другие. На первый взгляд, такое нарушение кажется явно биологическим и коренится в конкретной неврологической конфигурации человека. Однако, когда мы помещаем этот опыт в рамки того, что Стивен Пост назвал гиперкогнитивной культурой<sup>[18]</sup>, то есть культурой, в которой индивидуализм, автономия, рациональное мышление, скорость мысли, память и познание ценятся выше таких качеств, как любовь, связь, общность, медлительность, зависимость и уязвимость, очень быстро становится ясно, что неврология – не единственная история в городе.

Мозг приобрел совершенно особое культурное значение, значение, которое предполагает, что этот конкретный орган каким-то образом превосходит все остальные органы, из которых состоят человеческие суще-

<sup>[18]</sup> Stephen Post, *The Moral Challenge of Alzheimer's Disease* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995).

ства. Мозг стал центральной точкой не только для нашего понимания нейромеханики тела, но и для определенных представлений, касающихся сущности того, кто и что мы есть как человеческие существа. То, что наш мозг очень важен, – это констатация очевидного. Вычислительная мощность нашего мозга поражает воображение. Его способность обрабатывать информацию с помощью миллиардов нейронов и синапсов, которые включаются, соединяются и пересоединяются по мере изменений, которые отражают и формируют наш опыт, по меньшей мере, удивительна. По мере развития наших знаний в области неврологии мы смогли заглянуть в самые глубокие, самые интимные области мозга. Нейротехнологии могут предоставить нам детальные изображения мозга, которые показывают, какая именно часть мозга отвечает за определенные действия, конкретный опыт, конкретные мысли, индивидуальные чувства и эмоции. Нам даже сказали, что такая наука открыла нам истоки Бога: так называемое «место Бога» в мозге, которое, если верить шумихе, обрабатывает те переживания, которые мы считаем религиозными и духовными<sup>[19]</sup>. Утверждается, что все, включая наше самоощущение, нашу идентичность наряду с нашим восприятием божественного, находится в мозге. Объяснительная сила этой «большой истории» о мозге может легко привести нас к предположению, что каким-то образом «мы – это наш мозг» или «наш мозг – это мы»<sup>[20]</sup>. Раймонд Таллис назвал такой способ мышления о мозге *нейроманией*: тенденция рассматривать мозг как единственный путь к пониманию<sup>[21]</sup>. Когда это происходит, чувство, что человек должен приравнивать человечность к нейронному здоровью, становится почти непреодолимым.

Эта «большая история» мозга хорошо вписывается в культурный нарратив, который сообщает нам, что такие конструкции, как интеллект,

<sup>[19]</sup> «Belief and the Brain’s ‘God Spot,» Independent, March 10, 2009, просмотрено Ноябрь 24, 2015, <http://www.independent.co.uk/news/science/belief-and-the-brains-god-spot-1641022.html>. Для полного обзора отрасли и различных способов, которыми взаимосвязь между неврологией и богословием прорабатывается в области нейротеологии, см. Eugene G. d’Aquili and Andrew B. Newberg, *Principles of Neurotheology* (London: Ashgate, 2010). Каким бы интересным ни было такое исследование, существует основная ошибка в предположении, что определение части мозга, которая «загорается», когда люди имеют религиозный или духовный опыт, эквивалентно объяснению того, что это такое само по себе. Это немного похоже на предположение, что, поскольку мозг воспламеняется, когда я съедаю кусочек сыра, мы можем предположить, что сыр является не чем иным, как продуктом неврологического функционирования. Мозг, конечно, важен для того, как люди чувствуют мир и Бога в этом мире; однако, как станет ясно по мере развития книги, мозг является лишь одним из факторов сложного процесса бытия человека.

<sup>[20]</sup> Dick Swaab, *We Are Our Brains: From the Womb to Alzheimer’s* (London: Allen Lane, 2014).

<sup>[21]</sup> Raymond Tallis, *Aping Mankind: Neuromania, Darwinitis and the Misrepresentation of Humanity* (London: Routledge, 2014).

разум и познание, являются центральными для того, что значит быть достойным человеком. Декартовское изречение «*cogito ergo sum*» (я мыслю, следовательно, я существую)<sup>[22]</sup> оказало глубокое влияние на западные представления о том, что составляет суть человечности. *Мы существуем, потому что мы мыслим, а мы мыслим, потому что у нас есть мозг.* Конечно, идея «я мыслю, следовательно, я существую» не является нейтральной. Мы должны уметь мыслить совершенно определенным образом: запоминать предметы по порядку; формулировать свои мысли так, чтобы они были общепонятными и приемлемыми, то есть уметь использовать определенные формы языка; быть логичными и последовательными в своем мышлении; сохранять один и тот же стиль мышления в течение долгого времени. Если я все еще думаю так же, как в четыре года, то я могу думать и, следовательно, существовать, но в культурном плане мое существование не будет цениться так же, как у тех, чье мышление развивалось с течением времени.

«Я мыслю, следовательно, я существую» как принцип человечности имеет большой вес против определенных форм мышления и неизбежно против определенных мыслителей. В сочетании с идеями радикального индивидуализма, неприкосновенной автономии и экономической конкурентоспособности, которая представляет ценность в терминах эффективного использования времени и измеримой производительности, это создает особые социальные, культурные и антропологические условия для переживания повреждения мозга. В такой культуре повреждение мозга неизбежно воспринимается совершенно особым образом: негативно. Повреждение мозга легко воспринимается как повреждение нашей человечности. Разговор о повреждении мозга оказывается разговором о том, что значит быть человеком. Ставки высоки.

В этой книге будет предпринята попытка вытеснить центральную роль мозга как сущности нашей человечности и заменить ее центральной ролью Иисуса. Мы не являемся нашими мозгами! Мозг может быть необходимым аспектом человеческого бытия, но он, конечно, недостаточен. Повреждение мозга не является повреждением нашей человечности. Совсем наоборот.

Богословское осмысление опыта людей, живущих с поврежденным мозгом, может помочь нам лучше понять, что значит быть человеком и жить по-человечески. Ключ к такому преобразованию лежит в переосмыслении времени, что и составляет главную задачу этой книги. В Божьем времени все вещи выглядят по-другому, в том числе и наш мозг.

<...>

<sup>[22]</sup> René Descartes, *Discourse on the Method of Rightly Conducting the Reason, and Seeking Truth in the Sciences* (1637), 19–20.

## ПИСАТЬ ОТ СЕРДЦА

◆ Прежде чем мы начнем наше исследование времени, стоит немного поразмышлять о стиле этой книги. Большая часть академического богословия явно ориентирована в первую очередь на более рациональный, пропозициональный аспект нашей человечности. Конечно, нет ничего плохого в том, чтобы подходить к богословию с этой точки зрения, если только не считать, что это все, чем является богословие. Ранее я уже высказывал предположение, что в богословии существует основной раскол между теорией и практикой, раскол, который требует преодоления. Систематическое богословие имеет тенденцию фокусироваться на пропозициональном знании, а практическое богословие имеет тенденцию фокусироваться на опытном знании. Чрезмерный акцент на одном из них приводит к искажению. Чтобы уделить должное внимание предмету богословия в связи с инвалидностью и временем, необходимо преодолеть этот раскол. Одна из целей этой книги – исследовать, как эти два подхода к изучению и использованию богословия могут быть объединены таким образом, чтобы сохранить центр и предложить реальные возможности для целостного богословия инвалидности и времени. Поэтому я намеренно написал эту книгу таким образом, чтобы она в значительной степени учитывала как богословие, так и практику. Поэтому стиль изложения, используемый в книге, будет стремиться стимулировать и сочетать формально-логическую ориентацию на затрагиваемые вопросы с эмпирическим, повествовательным, творческим, образным и вызывающим вниманием, которое необходимо, если мы хотим преуспеть в нашей задаче любви к Богу, ближнему и себе. Я надеюсь и молюсь, чтобы такое равновесие было выдержано.